

Четвероклассник Петька идёт домой из школы. *Шурх!* Потёртый мешок со сменкой стучает Петьку по ноге.

Ш-ш-ш-ш! Нога в старом чёрном кроссовке поддает мешок и пинает его.

Одноклассники Петьки – все, как один, – чем-то хвастают.

Шурх! У Шурки есть дрон. Ему папа на день рождения подарил. И теперь Шурка показывает на переменах видеоролики, которые они с папой сняли и в Сеть выложили.

Мила Васильева ходит, прижимая к груди айфон последней модели. Вынет из ярко-розового чехла, посмотрит, подышит на экран, протрёт салфеточкой, снова аккуратно вложит в чехольчик и в рюкзак спрячет. Даже не звонит никому!

Ш-ш-ш-ш!

У Мишки гаджетов нет, зато есть старая общая тетрадь в коричневой обложке. Он рассказывает, что его прадедушка, когда с войны вернулся, в тетрадку свои воспоминания записал, «мемуары» называются. Мишка говорит, что скоро эти мемуары в книге напечатают, а может, даже фильм снимут, и станет он, Мишка, известным на весь большой мир!

Пинок – *ш-ш-ш-ш-ш-ш!* – и сменка летит вперёд, падает на просёлочную пыльную дорогу...

Петька поднял мешок и, не отряхивая, почти поволол по земле. Возле дома на два хозяина он остановился. Можно пойти к себе, но папа с мамой ещё в городе на работе, они в посёлок только вечером приедут. Значит, он пойдёт к соседу, дедушке Илье Андреичу.

Дедушка мальчику как родной, родители никогда не волнуются, если сына дома нет, знают: он у Ильи Андреича в шахматы играет. Или они вслух по очереди читают, сосед книги в библиотеке берёт или у бабушки Никифоровны, это у них буккрос-

синг по-пензионерски, только они слова такого не знают. Зато бабушка знает много интересного про звёзды, про животных и про растения.

Петька открыл деревянную голубую калитку, услышал вдали мерное «вжих-жих» и поспешил на задний двор.

На высоких козлах лежали берёзовые ветки. Илья Андреич вжихал по ним ножовкой. Раз – ножовка проезжала по стволу, вгрызаясь в дерево, два – убежала назад, и брызги опилок стекали вниз, оседая на земле маленькими холмиками. Видно, Илья Андреич пилил давно: раскраснелся, на лбу блестели крупные капли пота.

– А, Пётр, это ты? Здорово! – как ко взрослому обратился сосед.

– Да, я, Илья Андреич, кто ж ещё! Привет! – на равных подхватил Петька. Мальчик поставил сменку с рюкзаком на зелёную травку и загляделся, как ловко работает дед.

– Давай, Пётр, поднажми, чтобы ножовку не зажал!

– Ага, – привычным движением Петька ухватился за наполовину отпиленный чурбачок. – Почему не бензопилой? Папа всегда так пилит. Ведь быстрее будет!

– Быстрее – это да! Но я такую работу люблю, которую руками делать надо. И воздух опять же весной вкусный, а с твоим «быстрее» одной гарью керосиновой дышать буду.

Петька понимающе кивнул, поднял с земли отпиленный ствол и принялся относить маленькие чурбачки в дровяник. Он любил складывать дрова: полешки глухо стучались друг о друга, рождая негромкую мелодию. Но сегодня из головы не выходили одноклассники, и что-то словно зацарапало Петьку изнутри, запершило в горле. Он вышел из сарая и стал прокашливаться.

– Пётр, ты чего перхашешь?

– Опилку, наверное, проглотил, – захекал Петька.

– Опилку, говоришь? – Илья Андреич внимательно посмотрел на мальчика.

Петька опустил глаза, увидел, что запачкал школьные брюки, и начал отряхиваться.

– Не достанется нам от мамы твоей, а Пётр? Переодеться бы надо! Сменка – в пыли, штаны – в опилках...

– Не достанется. Мама же знает, что я тебе помогал.

И снова что-то стало в горле покалывать, снова Петька закашлял.

– Вот что. Работу мы сделали, пойдём-ка, почачёвничаем. У меня мёд липовый есть.

Илья Андреич никогда ни о чём Петьку не спрашивал, всё понимал. Мальчик догадался, что сосед заметил его плохое настроение, и наверняка даже рецепт знает, как от противной крошки избавиться.

Вместе зашли в дом, но обычно говорливый Петька, пока дед возился с чайником, накрывал на стол, сидел на табуретке и молча листал книжку. Просто так, даже не смотрел, о чём она.

Молча Петька положил в чашку ложку засахаренного мёда, намазал хлеб толстым слоем сливочного масла, откусил, но почему-то любимое угощение показалось ему безвкусным. Так и сидел за столом: механически жевал да водил пальцем по рисунку клеёнки.

– Чего ж ты, Пётр, на себя не похож сегодня? – не выдержал дед.

– Деда, а почему я такой... обыкновенный?

– Обыкновенный? С чего ты так решил? Давай-ка, рассказывай.

Илья Андреич спустил очки на кончик носа.

– Вот у всех в классе есть что-то необычное: планшет, гироскутер, электросамокат, а у меня только телефон кнопочный, старый, – нахохлился Петька.

– А-а-а. Погоди-ка. Так ты, значит, «человек обыкновенный», потому что у тебя вещи обыкновенные, так выходит? – дедушка задумчиво погладил свою седую треугольную бородку.

– Угу, – низко наклонил голову Петька.

Он ждал ответа, но дед почему-то замолчал, отставил чашку и, прихрамывая, всё ходил по кухне, складывая в пакет книги для Никифоровны. В другой пакет он положил трёхлитровую банку для молока.

– Я тут подумал, Пётр, – остановился Илья Андреич посредине комнаты. – Как-то сразу на твой вопрос и не ответишь. Ты мне помоги лучше пакеты до Никифоровны донести. А по дороге и решим, обыкновенный ты или другой какой.

Петька, не поднимая головы, кивнул.

Дорогу до Никифоровны Петька знал хорошо, но Андреич почему-то пошёл в обратном направлении. Палочка дедушки глухо застучала по дороге.

Тук. Тук. Тук.

Пакеты зашуршали.

Шурх. Шурх. Шурх.

Улица закончилась, начался поселковый парк, Андреич свернул с тропинки, остановился возле разлапистых кустов и раздвинул ветки в стороны:

– Тут мало кто ходит. Сначала хотели две улицы переулком соединить, только все по старой памяти в обход норовили. Снова кусты выросли. Так-то, через этот переулок, путь до Никифоровны короче в два раза!

Петька с удивлением посмотрел вокруг: вроде бы и место недалёкое, рядом с его улицей, а непривычное: с двух сторон заборы кустами заросли, как будто ты в широкой аллее стоишь. Зелёная весенняя травка на бывшей тропинке тянулась к солнцу. Дед остановился, улыбаясь. Петьке тоже здесь понравилось, он стал оглядываться по сторонам, пакеты на землю поставил

– Хорошая поляна! Смотри, Илья Андреич, дерево какое-то странное, ни разу таких не видел!

Оно шелестело жёсткими мелкими листьями. Корявый ствол, состоящий из двух мощных веток, обвивался сам вокруг себя, закручивался спиралью и внезапно заканчивался пышной кроной.

– Это дерево необыкновенное, Петя.

Петька с недоверием посмотрел на деда:

– Разве деревья бывают необыкновенными? Ты же их на дрова пилишь!

– Э, нет, брат! Я только неживые деревья на дрова забираю: трухлявые, засохшие или как сегодня – ветром поломанные. Иди сюда, посмотри внимательнее.

Нос Петьки, уже успевший загореть на солнце за недолгие весенние дни, задрался вверх. Мальчик внимательно осмотрел дерево сверху вниз: листья как листья, разве что ствол перевитый весь. И ветка одна низко над землёй растёт куда-то вбок, словно человек руку в сторону протягивает, чтобы путь указать. Петька разочарованно протянул:

– Ну, и чего тут необыкновенного, деда? Дерево и дерево. У нас в посёлке в-о-о-о-н сколько таких!

– Да таких деревьев во всём районе нашем нет! Никто не знает, откуда оно взялось. Называют его на родине так: «карагач» – «чёрное дерево», значит. Наш климат для него суровый слишком, не должно было оно выжить, зимой замёрзло бы! А это живёт. Тайна с ним какая-то связана, понимаешь? Может, заботился кто о нём, может, другая какая у него задача, но вот только растёт оно здесь, рядом с нами. И не особо красивое, и плодов не приносит, а всё равно свою службу служит.

– Какую ещё службу? – удивился Петька. – Это ж дерево! Оно ничего не умеет. Просто – растение.

– Всё-то у тебя просто, Пётр! Деревья много чего умеют. Землю собою украшать. Прохладу в зной дарить. Почву своими листьями удобрять. Слушать и разговаривать.

– Разговаривать? На каком языке? Разве кто-то может дерево услышать? – несмело спросил Петька.

– Конечно, не каждому дано. Только особенным, внимательным и чутким людям, которые

больше других видят и слышат. Мне бабушка моя рассказывала, что она мастерица была разговоры растений понимать.

– А ты?

– Я – нет. Люблю всё живое, а говорить с ним – нет, не умею. Не дано.

Петька снова посмотрел на дерево. Перевёл взгляд на Илью Андреича. Дедушка положил свою руку ему на плечо:

– Ну, пойдём к Никифоровне.

Вышли на соседнюю улицу, прошли немного – тут Петька спохватился:

– Деда! Я же пакеты там, у дерева, забыл! Банка там и книжки твои!

– Вот что. Я здесь, на лавочке, тебя подожду. Тепло сегодня, хорошо, я отдохну, воздухом подышу, а ты сходи.

– Я быстро!

И Петька помчался со всех ног, прошмыгнул между кустов и снова оказался на маленькой полянке, где посередине радостно шелестело листьями странное дерево. Вместо того, чтобы поднять пакеты и бежать обратно, мальчик медленно подошёл к карагачу. Оглянулся вокруг: не видит ли кто, как он сейчас глупостями заниматься будет. Снова в груди закололо, в горле запершило. Петька откашлялся и каким-то не своим, грубым и глухим голосом просипел:

– Ты, это... дерево... ты меня слышишь, что ли?

Исподлобья посмотрел на карагач, но никаким перемен в нём не увидел. Вот воробей где-то чирикает, на соседней улице машина шумит, мимо проезжая, а дерево... дерево молчит, чего ж ему разговаривать. Петька подошёл ближе, положил ладонь на шероховатую кору, всю в складках и морщинах. Руке приятно, тепло. Божья коровка перебралась с коры мальчику на ладонь и замерла. Тихо-тихо. Нет, не умеет он ни разговаривать с деревьями, ни слышать их!

«Наверное, всё придумал дед. Или я на самом деле – Петька обыкновенный», – с досадой подумал мальчик и сел, прислонившись спиной к стволу. Божья коровка переползла с одной руки на другую, потом остановилась, раздвинула жёсткие красные надкрылья с чёрными точками и, выпустив прозрачные длинные коричневые крылышки, полетела вверх. Петька посмотрел ей вслед: она поднималась всё выше, пока не потерялась где-то в густой кроне.

– Ты, дерево, не обижай божью коровку! – попросил Петька и увидел, как ветки качаются, кивают ему и шуршат в ответ.

Листья шелестели, словно выговаривали слова на непонятном языке. Ствол карагача приятно согрел спину, в горле перестало першить, и по телу разлилась какая-то новая, непонятная сила. Петька упругим рывком вскочил, раскинул руки в стороны, побежал по поляне за ветром, запрокинув голову, закружился, закричал:

– Эге-ге! Э-э-эй!

Дерево ловило пролетающий ветер, качало ветвями, разделяя мальчишечью радость, трепетало листьями и говорило, говорило, говорило... Петька кричал ему:

– Смотри! А я ещё так могу! – сделал колесо, встал на руки, болтая ногами в воздухе, потерял равновесие и со смехом упал в пахучую траву.

Дерево, опираясь на небо, сделало робкий шаг и протянуло ветку-руку Петьке. Мальчишка поднялся с земли, прижался лицом к стволу:

– Теперь ты – моё дерево!

Карагач согласно кивнул в ответ кроной...

Уже возле кустов мальчик обернулся и помахал дереву. Карагач вытянутой веткой попрощался с ним.

Шурх, шурх, шурх! – зашуршали пакеты.

Солнце ласково погладило мальчика по бело-брысой макушке.

– Не заскучал без меня? – задорно спросил Петька дедушку.

– Нет, я же понимаю: тебе с другом поговорить надо.

– А это несложно – разговаривать с деревом.

– Выходит, ты особенный?

Петька задумался, потом засмеялся:

– И никакой я не особенный! Просто день хороший, и карагач – тоже хороший!

Илья Андреич погладил бородку и согласно кивнул. Вдруг Петька остановился.

– Деда... а как же оно там теперь одно?

– Почему одно? Ведь у него есть ты.

– А ребят... можно с моим деревом познакомиться?

– Конечно, можно. Друзей ведь много не бывает, правда, Пётр?

Петьке стало радостно и легко, потому что он разгадал тайну: карагач оказался здесь много лет назад только затем, чтобы научить его, Петьку, понимать особенный язык деревьев.